

Будучи на вершине, ты находишься над бездной.
Станислав Ежи Лец

ПРОЛОГ

Советский Союз, достигнув пика своего могущества после Великой Отечественной войны, стал развиваться согласно заветам Ленина — Сталина, или, как тогда принято было говорить, на основании марксистско-ленинской идеологии. Сталин умер, чуть позже тело его из Мавзолея вынесли. Попытка предать его имя анафеме на государственном и общественном уровне почти не удалась. Более того, пришедшие вслед за ним были, как говорится, из той же команды, со схожими представлениями о жизни, о методах управления подведомственным ему населением. В свою очередь взрослые советские граждане, в большинстве своем прошедшие войну, эвакуацию, а то и ГУЛАГ, более критично воспринимали власть, при этом четко понимая последствия дискуссий с этой самой властью. Железный век советского общества потихоньку менялся на другую эпоху. Какую? Хороший вопрос.

После крутых виражей государства — революции, Гражданской войны, Большого террора, репрессий конца 40-х — начала 50-х годов, смерти и развенчивания вождя, после тяжелейшего испытания — Великой Отечественной войны граждане хотели спокойствия, любви (хотя бы в семье), работы — одним словом, стабильности и предсказуемости. Не зря основное пожелание, главный тост всегда и везде был один — «лишь бы не было войны».

Как у любой медали есть другая сторона, так и в нашем случае стабильность оборачивалась застоем, предсказуемость — безразличием, вера в партию — бесконтрольностью и беззаконием властей. Вообще ничего нового, если бы это не касалось нас. Если кто-то думает иначе — «это не про нас», не заблуждайтесь: еще как про нас, наших родителей, родителей родителей — предков в общем.

Никита Сергеевич Хрущев, один из ближайших соратников вождя, больше всего боялся Сталина не только при жизни, но и, похоже,

после смерти. Исходя из образа Никиты Сергеевича, предложенного скульптором Эрнстом Неизвестным, видимо, «белая» часть Хрущева отбивалась от вождя, а «черная» противостояла «белой» части своего же существа. «Белая» часть зачитала доклад на XX съезде «О культе личности и его последствиях», «черная» придавала обратную силу жестоким законам, посылала «к чертовой бабушке» культуру, «белая» утверждала о необходимости международного сотрудничества, «черная» конструировала Карибский кризис и т.д., и т.п.

На определенном этапе напряженной внутренней борьбы в партии, да и внутри самого Хрущева, было принято решение на XXII съезде КПСС (1961 г.) вынести тело Сталина из Мавзолея. Вместе с тем такая борьба с самим собой не дала Никите Сергеевичу увидеть реальную опасность, исходившую от партийной и советской бюрократии, которая, освободившись от страха перед катком репрессий, теперь хотела освободиться и от шебутного лидера с его «волюнтаризмом» — многочисленными реформами и инициативами, заканчивавшимися, как правило, провалом и мешавшими ей перейти в вожделенный режим бесцельного функционирования. К тому же на упомянутом XXII съезде Хрущев выдвинул идею новой, антибюрократической конституции.

Закончилось для Хрущева все это достаточно плачевно, но вполне ожидаемо. В октябре 1964 г. его же ближайшее окружение сместило Никиту Сергеевича. Он был отстранен от власти в результате политического заговора, организованного, как и положено, его соратниками. Во главе страны встал Леонид Ильич Брежнев. Вместе с тем нельзя не заметить, что впервые за много лет руководитель государства ушел со своего поста живым, оставшись на свободе, хотя страна оставалась по форме и содержанию той же, какой и была.

Леонид Ильич Брежнев уверенно взял бразды правления в свои руки и руководил Советским Союзом до 1982 г. Наша с Вами, уважаемый читатель, цель — рассмотреть в данной работе развитие государства и права в период так называемого застоя — период, в который, между прочим, была принята новая Конституция СССР (1977 г.) и новые конституции союзных республик, в том числе РСФСР (1978 г.). Центральный комитет КПСС, Совет Министров управляли страной в соответствии с законами так называемого развитого социализма, вооруженные силы защищали Советское государство, существовала правоохранительная система, призванная обеспечивать безопасность партии, правительства и советских граждан. Были завершены кодификационные работы практически по всем отраслям советского законодательства. Советская правовая наука получила свое развитие, озаглавленное крупными

исследованиями. Часто под видом критики буржуазного права проводился серьезный анализ зарубежного законодательства. Очевидно, что количество конъюнктурных работ было в сотни раз больше, но это не уменьшает ценность исследований Е.А. Флейшиц, С.Н. Братуся, М.Д. Шаргородского и других ученых.

В предыдущих очерках мы предложили рассматривать право как систему деятельности вкупе со всем множеством ее продуктов и результатов¹. При, казалось бы, всей тривиальности такого понимания права², этот подход, в отличие от многочисленных онтологических его определений, является методологической основой для описания процесса возникновения, становления и развития права как социокультурного явления с использованием результатов исторических, социологических, политологических и культурологических исследований³.

Системно-деятельностный подход, а также представление о праве как об одной из ветвей культуры позволяют снять многие противоречия, вытекающие из реалистических (позитивистских и марксистского) и идеалистических определений права, — к примеру, отделить право от государства, провести границу между правом и произволом, отличить право от правоподобных практик⁴, внятно разделить правовые и культурные нормы.

Право, возникшее как система деятельности⁵ в рамках западной культуры, трансформировалось в ходе исторического процесса. Какие-то сферы правовой деятельности возникли раньше, какие-то позже, а некоторые то появлялись, то исчезали. Однако на каждом временном этапе эта система деятельности была по большому счету одной и той же для всех стран и народов, у которых право существовало.

В то же время продукты и результаты системы правовой деятельности в значительной степени определялись устройством общества и государства, а также доминирующей культурой той или иной страны.

Результатом действия права прежде всего является правопорядок — реально сложившиеся общегосударственные связи, описываемые

¹ См.: Крашенинников П. Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 6—8.

² В принципе любую активность человечества, например управление, науку, образование, искусство, медицину, также можно рассматривать как систему деятельности.

³ См.: Крашенинников П. Времена и право. М.: Статут, 2016.

⁴ Например, от религиозных заповедей, понятий уголовного мира, правил детских игр, каковые просто не являются системой деятельности.

⁵ В настоящее время мы включаем в эту систему деятельности такие ее сферы, как юридическая наука, подготовка кадров, законотворчество, законодательство, правоприменительная, правоохранительная, правозащитная и просветительская деятельность.

правовыми документами, и устоявшаяся в данном государстве юридическая практика. Понятно, что в основном правопорядок определяется государственным устройством и общественными отношениями в конкретной стране. Другим результатом является правосознание — субъективное восприятие правовых явлений людьми. Оно преимущественно определяется доминирующими в обществе культурой, миропониманием и иерархией ценностей.

Государственное устройство оказывает решающее влияние на такие продукты системы правовой деятельности, как юридические тексты (в том числе законодательство), устройство правовых структур и организаций (суд, правоохранительные органы), а также на кадровый состав юридического корпуса страны.

Таким образом, право как система деятельности вкупе с ее продуктами и результатами вполне может иметь национальные особенности, что позволяет говорить о праве имени того или иного государства.

Особенно различие права, и прежде всего законодательства, было заметно в Средние века, когда западноевропейские национальные государства находились еще в стадии формирования. Однако в XIX — начале XX в., когда была осуществлена кодификация законодательства ведущих стран Европы, правовые отличия одной страны от другой стали не такими уж разительными.

В этом же направлении двигалась и Российская империя, все больше приближая свой правопорядок и законодательство к европейским образцам. Однако Великая русская революция 1917 г., завершившаяся приходом к власти партии большевиков, положила конец этому процессу, запустив другой, «особый» ход истории.

Но вернемся к теме настоящих очерков. В рассматриваемый период происходили важные события, как широко известные, так и не очень бросающиеся в глаза, но повлиявшие на развитие отечественного государства и права: косыгинская реформа, а чуть позже конституционная реформа 70-х годов — мероприятия, широко обсуждаемые обществом как во время их проведения, так и сейчас; появление диссидентов и правозащитников (их влияние на общество обсуждалось и обсуждается в меньшей степени); и, наконец, систематизация законодательства 60—70-х годов, сопровождавшаяся острыми дискуссиями о системе советского права, его отраслях, попытка создания Свода законов СССР — на первый взгляд чисто юридическая история, которая интересует узкий круг специалистов. Вместе с тем, полагаем, без анализа этих глобальных и не очень событий невозможно понять не только то, что происходило тогда, в 1962—1984 гг., но и то, что происходит сейчас, в 20-х годах XXI в.

Глава 1. СОВЕТСКОЕ ПРАВО ДО ЗАСТОЯ

Каждый имеет достаточно сил, чтобы достойно прожить жизнь.

А все эти разговоры о том, какое сейчас трудное время,
это хитроумный способ оправдать свое бездействие,
лень и разные унылости. Работать надо,
а там, глядишь, и времена изменятся.

Лев Ландау

Классики марксизма не заморачивались на тему природы права, его социокультурного генезиса. Они считали право наряду с другими социальными институтами капиталистического государства необязательной надстройкой над экономическим базисом. Право для них было исключительно инструментом подавления эксплуатируемого народа злыми эксплуататорами. В светлом коммунистическом будущем право, по их мнению, должно было отмереть вместе с государством.

Когда перед лидерами большевиков встала задача создания первого в мире государства рабочих и крестьян, они решили использовать право по его, как они считали, прямому назначению — т.е. для подавления, но теперь уже эксплуататоров эксплуатируемыми на основе так называемого классового подхода.

К концу периода военного коммунизма и Гражданской войны большинство сфер правовой деятельности было разрушено — вместо Закона «применялось» революционное сознание, революционные трибуналы и суды не судили, а преследовали противников большевизма, карательные органы, прежде всего ВЧК, действовали вне правового поля, правозащитная деятельность практически отсутствовала. В стране царили насилие и произвол. Преступность, в том числе организованная, достигла небывалых размеров. Систему правовой деятельности необходимо было воссоздавать заново.

Собственно, и само государство надо было отстраивать с нуля. Оно должно было стать невиданным ранее социалистическим государством. Для достижения этой цели было необходимо полностью изменить общественные отношения, существовавшие в Российской империи.

Это касалось государственно-политического устройства, экономики, трудовых отношений, отношений между людьми и между населением и государством. Поскольку подавляющее большинство населения, мягко говоря, было не то что не готово к установлению новых — социалистических отношений, но и плохо понимало, что это такое, достичь поставленной цели можно было только путем концентрации всей полноты власти в одних руках, а именно руководства ВКП(б).

Эта коллективная, партийная деспотия, называвшаяся диктатурой пролетариата, провозглашала своей целью или миссией построение светлого коммунистического будущего во всем мире, где в условиях всеобщего равенства, братства и любви уже не будет никакого государства, никакой власти. И достигнуто это должно было быть усилиями всех граждан, понятное дело, под руководством партии большевиков.

Такую конструкцию, в которой неограниченная концентрация власти и управления в одних руках осуществляется для достижения конкретной цели, мы, пользуясь терминологией Л. Мамфорда, называем мегамашиной. Государства такого типа возникали еще в доисторические времена и позволяли создавать гигантские сооружения, вроде бы немислимые в ту эпоху, — протяженные ирригационные системы, египетские пирамиды и т.п. Мегамашиной были Римская империя, стремившаяся распространить свою цивилизацию на весь мир, Восточная Римская империя (Византия), ставившая своей целью повсеместное распространение ортодоксальной версии христианства, и в каком-то смысле Российская империя, претендовавшая, впрочем, исторически не только она, на роль Третьего Рима или новой Византии.

На руинах Российской империи большевики соорудили новую мегамашину, но уже с другой целью — построения коммунистического общества. Третий Рим был заменен на Третий интернационал¹.

Создание полноценного государства предполагало освоение такого источника власти, как право, наряду с насилием и суггестией. А для этого требовалось воссоздать систему правовой деятельности в полном объеме, разработать и принять системное, лишенное внутренних противоречий законодательство взамен преимущественно пропагандистских первых декретов советской власти, заменить чрезвычайные карательные органы на цивилизованные суды и правоохранительные институты, в конечном счете создать такой правопорядок,

¹ См.: Крашенинников П. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. С. 16–24.

который бы стимулировал возникновение новых общественных отношений и государственного устройства, а также юридической практики взамен разрушенных.

Право, таким образом, рассматривалось как социотехнический инструментарий для создания новых общественных отношений, а отнюдь не для легитимизации и гармонизации уже сложившихся. С точки зрения истории права это был весьма смелый эксперимент. Именно этот факт и послужил главной причиной дискуссии между правоведами того времени на тему: является ли советское право чем-то принципиально новым или это все то же право, только на службе пролетариата?

По итогам этой дискуссии, дорого обошедшей многим ее участникам, было принято вполне марксистское решение: официальное определение права соответствовало примитивно-позитивистскому, этатистскому определению Г. Кельзена, но при этом утверждалось, что советское право является «диалектическим противоречием» буржуазному¹. Мантры о качественно иной природе и «общечеловечности» советского права повторялись многими правоведами вплоть до крушения Советского Союза.

Базовые акты советского законодательства были приняты в 1922–1923 гг. Идеологом, организатором, а иногда и участником создания советского законодательства был В.И. Ленин, а основными разработчиками — Д.И. Курский и А.Г. Гойхбарг. Основанное на классовом подходе и нацеленное на всяческое укрепление мегамашины советской империи, это законодательство в качестве главного инструмента государственного управления предполагало террор с целью подавления эксплуататорских классов и элементов, утверждало господство государства в экономике в виде госкапитализма, предлагало трудящимся принудительный и почти бескорыстный труд на благо социалистического отечества, освобождало семейные отношения от влияния церкви и каких-либо экономических отношений.

Законодательство, созданное в 20-е годы, просуществовало без принципиальных изменений до начала 60-х годов. Такое завидное долголетие объяснялось не столько качеством принятых законов, сколько способностью власти и правоприменителей легко игнорировать те положения законодательства, которые при сложившейся конъюнктуре оказывались неудобными.

Так, уже в начале 30-х годов не принимались во внимание многие положения нэповского Гражданского кодекса в ходе проведения

¹ См.: Крашенинников П. Страсти по праву. С. 65–73.

поголовной коллективизации, рыночные начала КЗОТа в трудовых отношениях граждан с исключительно государственными предприятиями и организациями, принципы свободы личности при создании социалистической семьи, закрепленные в семейном кодексе (КЗоБСО РСФСР). Вполне гуманистический Исправительно-трудовой кодекс игнорировался практически с момента его принятия. Сколько-нибудь цивилизованные положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства извращались до полной неузнаваемости в ходе осуществления массовых репрессий.

Собственно, столь гибкая правоприменительная практика и стала одним из источников сталинского террора. Правоохранительные органы любой страны, как говорят, «заточены» на обвинительный уклон. Эта сфера правовой деятельности рассчитана на Жегловых, а не на Шараповых¹. Сама логика деятельности таких органов провоцирует сотрудников на обвинительную интерпретацию имеющейся информации, а то и на фальсификацию уголовных дел. И для этого у них есть масса возможностей. Обвинять их в этом — все равно что упрекать тигров за то, что они едят мясо. В правовом государстве потенциальному произволу со стороны правоохранителей противостоят наряду с законом правозащитники, прежде всего адвокаты, независимый суд, общественное мнение. Да и прокуратура должна отказывать в поддержке в суде недостаточно обоснованных обвинений, не говоря уже о заведомо сфальсифицированных делах. В Советском Союзе адвокаты если и не подыгрывали обвинению, то были сильно ограничены в средствах защиты, а независимый суд считался нонсенсом, поскольку суд имел классовый характер. Прокуратура и суд находились под полным контролем органов безопасности — «передового вооруженного отряда партии».

Отсутствие сдержек и противовесов в самой советской системе власти было причиной того, что в годы массовых репрессий произвол

¹ Глеб Жеглов и Владимир Шарапов — герои детективного романа братьев А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» (1976 г.). Широко известна экранизация этого романа С.С. Говорухиным под названием «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.). Жеглов дерзок и смел, невероятно трудоспособен, но к людям относится как к расходному материалу. Его девиз — «вор должен сидеть в тюрьме», и для этого он готов пойти на фальсификацию улик, подбросив подозреваемому украденный кошелек. Как говорил Георгий Вайнер, именно Жегловы отличались в корпусе МВД/МГБ неслыханными злоупотреблениями, неслыханными злодеяниями, потому что искренняя убежденность в правоте дела, которое они делают, безусловные личностные способности, отсутствие всяких моральных сомнений делали их страшным орудием. Интеллигентный Шарапов — антипод Жеглова, сторонник гуманизма и законности.

охватывал всю страну. Толчком к нему послужило стремление Сталина к физическому уничтожению своих бывших партийных оппонентов. Сталин единолично контролировал органы госбезопасности, хорошо понимал силу этого инструментария и применял его по своему усмотрению. Время от времени он менял ритм репрессий, то форсируя их, то притормаживая, в зависимости от своего видения ситуации или настроения.

По мере укрепления мегамшины советской империи правовое регулирование все больше подменялось административно-командным управлением. С началом Второй мировой войны этот процесс получил дополнительное ускорение, и не только в сфере карательной политики. Путем издания указов Верховного Совета СССР и СНК СССР, а то и просто ведомственных актов, без внесения изменений в соответствующие законы и кодексы, было принципиально изменено трудовое законодательство, криминализовавшее нарушения трудовой дисциплины, а также семейное законодательство, в котором были запрещены аборты, сильно затруднены разводы, а юридически значимыми стали только зарегистрированные браки.

С началом Великой Отечественной войны такие сферы правовой деятельности, как законодательство и правоприменение, перешли в руки чрезвычайных органов управления, заменивших конституционные властные структуры. Указы Верховного Совета СССР и постановления СНК СССР были лишь оформлением приказов Государственного комитета обороны. Судьба, да и сама жизнь советских граждан определялись приказами Верховного главнокомандующего, командующих фронтами, армиями и далее по нисходящей иерархии.

После завершения Второй мировой войны начался процесс перевода мобилизационного способа управления, принятого в предвоенные и военные годы, на рельсы социалистической законности. Однако происходил он довольно медленно и заметно ускорился лишь после смерти Сталина, положившей конец массовым репрессиям.

Однако правопорядок, сложившийся в Советском Союзе в предыдущие годы, каких-либо ключевых изменений не претерпел. Да, массовые репрессии были свернуты, но не за счет введения правового обуздания органов госбезопасности, а путем установления контроля над ними со стороны партийного руководства, в законодательстве никак не прописанного. Хотя особые совещания и все внесудебные формы рассмотрения уголовных дел были отменены, никаких даже разговоров о переходе к принципам правового государства и в помине не было.

Не было и никаких объективных гарантий того, что не появится новый вождь, который восстановит сталинские порядки. Был лишь консенсус, добрая воля правящей элиты о недопущении массовых репрессий, прежде всего в отношении ее самой. Когда Хрущев, в середине 50-х годов сконцентрировавший в своих руках практически весь объем сталинской власти, стал проявлять признаки стремления к установлению своего, как тогда выражались, культа личности, он был смещен со всех постов своим ближайшим окружением в результате политического заговора в 1964 г. Но это было лишь случайным стечением обстоятельств — недостаточно хитер и коварен был Никита Сергеевич в этот конкретный момент времени.

Репрессивный, мегамашинный характер советского права никуда не делся и в годы правления Н.С. Хрущева. Только теперь репрессии носили не массовый, а точечный характер. Зато появились новые «адресаты» этих репрессий. Кроме идейных противников советской власти преследованию стали подвергаться представители так называемой теневой экономики. Уголовные статьи за спекуляцию, нелегальное производство и сбыт товаров народного потребления, валютные операции, подделку денег, взяточничество и т.п. были резко ужесточены вплоть до применения смертной казни. Причем им была придана обратная сила. Число жертв кампании по борьбе с экономическими преступлениями, которые в наше время считаются нормальной предпринимательской деятельностью, в период так называемой оттепели исчислялось тысячами. По отношению к диссидентам стали применяться репрессии в виде карательной психиатрии — помещения здоровых людей в специализированные психиатрические клиники¹.

Весьма небрежное отношение правоприменителей к базовым принципам уголовного права под давлением прежде всего партийного руководства по-прежнему оставалось характерным признаком советского правопорядка.

Частное право в стране отсутствовало, поскольку государство присутствовало везде, а в экономике существовала только социалистическая собственность — государственная, кооперативная, собственность общественных организаций, а также личная собственность, обеспечивающая потребности граждан. Экономика была построена на принципе планирования всего и вся.

¹ Подробнее см.: Крашенинников П. Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. М.: Статут, 2019. С. 228–237.

В основе трудового права по-прежнему лежал принцип внеэкономического принуждения к труду, о чем свидетельствовало резкое усиление борьбы с туеядством, в том числе и с применением уголовного преследования. Жилье в основном можно было получить только от государства, причем бесплатно, что служило еще одним механизмом контроля над гражданами. Семейное право предполагало активное вмешательство государства и квазиобщественных организаций (партийных, комсомольских, профсоюзных) во внутрисемейные отношения.

В общем к началу того периода советской истории, который рассматривается в настоящих очерках, мегамашина советской империи находилась в полном расцвете сил, молодости и красоты, а ее «инструкция по эксплуатации» — право — полностью соответствовала государственному механизму и воспроизводила требуемый правопорядок.

Подавляющее большинство населения страны по-прежнему верило в светлое коммунистическое будущее, тем более что Хрущев пообещал наступление этого рая на земле через какие-то 20 лет. Кроме того, воодушевляли выдающиеся достижения советской науки и техники в области ядерной энергетики и ракетостроения. Удалось запустить первый искусственный спутник Земли, сбить ракетой злонамеренный американский шпионский самолет над Свердловском и отправить в космос первого космонавта. На дворе была середина XX века.

Что касается правосознания большинства граждан, то оно все еще находилось в лучшем случае на уровне XIX века. Изменение культурных норм — дело очень медленное, а чтобы искусственно его ускорить, требуются неимоверные усилия, а порой и самопожертвование. Но вождям мирового пролетариата это было ни к чему. Они и сами, как доминировавшие крестьянские массы, да и многие городские обыватели, страдали правовым нигилизмом. Извечный крестьянский вопрос: «Барин, как судить будешь — по закону али по справедливости?» — они решали в пользу справедливости, понимая под ней свой классовый подход и выдавая за нее творимый ими произвол. И большинство людей с этим соглашалось.

Для человека русского традиционного общества преступник, душегуб — это не человек, который преступил формальный закон, выдуманный людьми для общего удобства. Это человек, который пошел против своей собственной глубинной сущности. Он не только губитель чужих судеб и жизней, но и человек, умертвляющий свою собственную душу, лишаящий ее вечного спасения. Преступник — это уже не человек, а что-то вроде нечистой силы, нёжить. С ним нельзя вести себя как